

Теория и история культуры

УДК 94(47)01-026

ББК 63.3(2)2

Риер Яков Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории,
УО «Могилевский государственный университет»,
ул. Космонавтов, 1, 212022 г. Могилев, Беларусь
E-mail: rier47@tut.by

О НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

Аннотация: Актуальность темы определяется как ролью государственности в истории, так и проблемами сложения государства на Руси. Сложность изучения — в ограниченности письменных источников, частично устраняемая привлечением археологических материалов. Последние свидетельствуют о выделении особого военного слоя в Поднепровье с VIII–IX вв., концентрировавшегося в особых укрепленных резиденциях — дружинных городищах. Это был период формирования потестарного общества с разноплеменной дружиной, постепенно возвышавшейся над местным восточнославянским населением вдоль речных торговых путей, складывавшихся между Балтикой и Причерноморьем. Образованию и консолидации дружинного слоя способствовало наличие внешних сил — Хазарского каганата и отрядов норманнов. Так у восточных славян сложилось сложное вождество с типичными для предгосударственной структуры способами обеспечения жизненных потребностей дружин и их вождей (князей в традиционном обозначении). Преобладали дани, изъятия и грабежи, совершавшиеся во время походов по всем направлениям вдоль пути «Из Варяг в Греки». Время вождеств на Руси завершается к концу X – первой половине XI вв. К этому времени обособленность местных князей, возглавлявших племена, удаленные от Днепровского торгового пути, была преодолена. Начало превращения сложного вождества в раннее государство фиксируется в XI в. возникновением писаного права — Русской Правды.

Ключевые слова: сложение государства, городища, потестарное общество, вождества, дружинный слой.

© Риер Я. Г., 2016

¹ Статья основана на результатах выполнения темы «Белорусские земли в раннее средневековье и мировые цивилизации» госпрограммы научных исследований Республики Беларусь «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии».

Определение начала преобразования восточнославянских родоплеменных структур в более сложные формы политической консолидации осложнено, как известно, отсутствием прямых источников. Находившихся в отдалении от культурных центров раннесредневековой Европы восточных славян тогдашние книжники долго не замечали. Поэтому достижения современной *«политической и исторической антропологии в осмыслении процессов политогенеза... для исследования перехода восточнославянских обществ к государству, не могут быть пока полностью использованы...»* из-за ограниченности *«источниковой базы»* [26, с. 125].

Тем не менее, при отсутствии письменных свидетельств, археология позволяет увидеть начало формирования у славян Восточной Европы устойчивых общественных структур в появлении городищ — укрепленных общинных центров, самые ранние из которых относятся к VI в. [6, с. 136]. В VI–VII вв. они известны уже прежде всего в относительно густонаселенных районах восточнославянского Юго-Запада. Но их широкое распространение относится к VIII–X вв.

Появление и распространение описываемых городищ отразило процесс отделения формирования территориальных структур с центрами, в которых концентрировались управленческие, военные и культовые функции. Очевидно, поначалу эти центры объединяли разраставшиеся в патронимии патриархальные роды. Но постепенно они превращаются в центры округов, не обязательно связанных родственными узами их жителей. Отсутствие на таких городищах четких признаков имущественных различий среди их обитателей, а также выделенных особыми укреплениями или другими конструктивными особенностями резиденций знати (кремлей, акрополей) свидетельствует именно об их общинном, а не раннегосударственном характере [39, с. 167–168].

Основой общественного устройства восточных славян во второй половине I тыс. оставались родовые общины. Об этом свидетельствует выявленная археологами планировка деревень этого времени: до VIII–IX вв. четко очерченных индивидуальных усадеб-дворов у восточных славян не выявлено. Впрочем, и на поселениях VIII–X вв. индивидуальные дворы прослеживаются не всегда. Заметим, что и древнерусские письменные памятники до XI в. не сообщают о земельных разделах. Замедленность распада родовой организации вызывалась тем, что процесс хозяйственного обособления малых семей не сопровождался появлением частнособственнических прав на крестьянские участки типа западноевропейского аллода. В такой ситуации малые семьи, разрастаясь, не обязательно делились и вновь воспроизводили большие, патриархальные коллективы, сосуществовавшие с малыми. Таким образом, у славян Восточной Европы родовая организация сохраняется до начала II тыс. н.э. [38, с. 114–115; 39, с. 165–167].

Но уже с VI–VII вв. отмечаются и самые ранние в Восточной Европе археологические следы проживания в родовых укрепленных поселениях воинов, о чём свидетельствует специфический набор дорогих украшений и других особенностей инвентаря на городищах Зимно в Подолии, Никодимово в Восточной Беларуси [35, с. 68; 44; 45, с. 3–14, 60].

Начало выделения общественных верхов довольно чётко обозначается появлением в VIII–IX вв. небольших укрепленных поселений, располагавшихся посреди больших селищ или рядом с ними. Хрестоматийным примером у восточных славян стал комплекс в Хотомеле (Брестская обл., р. Горынь), где на существовавшем с VII в. общинном городище-убежище в VIII в. появились новые укрепления, отгородившие часть площадки, на которой найдено военное снаряжение и дорогие украшения — следы пребывания знати и воинов. А вокруг формируется неукрепленное поселение, очевидно рядовых сельских жителей, вероятно содержавших этих воинов. Таким образом, Хотомельское городище VIII–IX вв. превращается в небольшой дружинный посёлок [20, с. 68; 41, с. 248–249]. Перед нами свидетельство обособления верхов над основной массой окрестного населения.

Но для VIII в. это пока единичный пример, что может свидетельствовать лишь о начале процесса. В IX–X вв. число поселений, подобных Хотомелю, увеличивается [39, с. 170–172]. Наконец, X–XI вв. отмечены не только ростом числа городищ — обособленных резиденций, но и появлением особых погребений знатных воинов [21, с. 163; 59]. В том же X в. на Черниговщине отмечено появление сильно укрепленных городищ, расположенных на стратегически важных путях, которые интерпретируются как крепости формировавшихся княжеств [5]. Тогда же фиксируется и появление профессионального конного войска [16]. Показательно, что в X–XI вв. исчезают последние городища-убежища, причём и на них нередко возникают резиденции знати.

Таким образом, археологические материалы позволяют проследить появление воинов среди населения общинных городищ уже в VI–VII вв. В VIII–X вв. наблюдается формирование дружин, отделявшихся от рядового населения в особых укрепленных резиденциях, что может интерпретироваться как выделение военного сословия. Данный вывод коррелируется с представлениями о том, что после VI в. у славян уже не существовало традиционных племён, основанных на кровном родстве [10, с. 10].

Итак, с VI–VII вв. можно вести речь о начале перехода восточных славян от родового общества к предгосударственной стадии общественного устройства [52]. Со второй половины IX в. отмечается и появление нового, наступательного вооружения, что связывается с появлением в Восточной Европе норманнов [30]. Более того, некоторые исследователи ведут речь о складывании с X в. на Руси *дружинной формы государства*, существовавшей параллельно родовым порядкам и появившимся князьям. Причём дружинники эти были полиэтничными, и возглавляли их не местные князья [29, с. 41–45]. Перед нами начальные этапы и формы формирования государственности в виде *вождества*. Этот дружинный, в скорой перспективе правящий слой возникает не только вне родовых структур, но и вне зависимости от этнической принадлежности, что делает понятным появление в регионе скандинавов, как, впрочем, возможно и не только их.

Поиски наиболее ранних, начальных истоков древнерусской государственности приводят к анализу южного следа — Хазарского. Предполагается, что как внутренняя эволюция восточнославянского общества, так и борьба с кочевниками

«стимулировала образование государственности». Впрочем, эти поиски у части исследователей порождают определённый скепсис, ибо они слабо обеспечены прямыми свидетельствами о хронологии и территории распространения [19, с. 112].

Тем не менее идея *особого русского каганата* материализовалась в ряде исследований. Она связана с известными лингвистам и археологам иранскими заимствованиями в славянских этнонимах (анты, сербы и др.), а — шире — славяно-иранскими связями в рамках черняховской культуры III–IV вв. В конце XX в. о Русском каганате писал В. В. Седов. Он считал, что это объединение в VIII в. было подчинено хазарам, в IX в. добилось самостоятельности и просуществовало до прихода норманнов на Средний Днепр, а затем нигде не упоминается. Поэтому обстоятельства исчезновения этого образования неизвестны. При этом Седов называет его *раннефеодальным* [46]. Последнее утверждение автора вызывает недоумение, ибо о внутреннем устройстве *каганата* ничего неизвестно².

Ограниченность и нечёткость источников оставляет место для множества интерпретаций. Существует и вариант северной локализации каганата, с центром в Старой Ладоге [22]. Недавно эта идея была развёрнута в концепцию существования Русского каганата, созданного норманнами в крайней северной точке пути от хазар на Балтику. Прекратилось его существование ближе к концу IX в. под нажимом продвигавшихся с юга славян [56; 23, с. 456]. Данная интерпретация также имеет право на существование, но и она весьма умозрительна, особенно объяснение принятия далёкого от Северной Европы титула — *каган* (*хакан*). Всё же южная локализация выглядит убедительнее. Её обосновывает ещё один автор [48], отождествивший Русский каганат с гипотетической *Аскольдовой Русью*.

Наиболее развёрнутое исследование Русского каганата предприняла Е. С. Галкина. Она, вслед за А. Г. Кузьминым, выдвинула идею о том, что Русский каганат был создан ираноязычным населением, занимавшим восточную часть Северного Причерноморья — донские степи — на рубеже VIII–IX вв. К середине IX в. это образование было разгромлено располагавшимся южнее *Хазарским каганатом* и вошло в его состав. Идея Галкиной об иранском происхождении *русской* знати, хотя и экзотичнее скандинавских версий, вполне допустима. Автор исходит и из аналогии с болгарами, чья элита тоже первоначально была для славян иноэтничной — тюркской — и приводит аргументы совместного существования славян левобережья Среднего Днепра и салтовцев (русов-иранцев, по Галкиной). Находимый антропологами иранский субстрат у антов она вполне логично рассматривает как результат смешанных браков [7, с. 180–228].

Конечно, многие аргументы выглядят умозрительными и ничем не доказываются. Но вывод о том, что «в середине X в. слова “род русский” носили уже не этническую, а социальную окраску» [7, с. 210], с учётом аналогии с болгарами вполне допустим.

² Впрочем, локализация и хронология этого образования Седовым также встретила возражения [31, с. 163; 36, с. 192].

Заканчивая о Русском каганате, следует признать его весьма нечётким образованием, с названием, известным только у восточных авторов [51, с. 50]. Как это сообщество само себя воспринимало, мы не знаем. Но важно, что оно сложилось на будущих древнерусских землях в процессе формирования у восточных славян потестарного общества.

Примечательна в этой связи роль не гипотетического, а вполне реально существовавшего *Хазарского каганата*. Политический характер этого образования также нечёток. Нет данных о социальной структуре, нет такого важного для государственности признака, как юридические акты [53, с. 198–225]. Но некоторые раннегосударственные признаки в нём присутствуют: наследственный правящий род, наличие должностных лиц, живших за счёт редистрибуции [14; 48]. То есть Хазарию можно считать развитым, сложным вождеством. Роль этого каганата в дальнейшей социально-политической истории Среднего Поднепровья состояла в том, что он стимулировал и военной угрозой, и примером, и, по Галкиной, частично своими воинами переход *днепровских славян* на более высокую стадию общественной организации, характерный признак которой — наличие не связанной с племенными структурами дружины. В ответ на вызов (по Тойнби) со стороны хазар восточные славяне региона подчинились внеплеменной и разнотнической корпорации, которая, собирая дань, давала кормящему её населению некие гарантии безопасности.

Оценивая ситуацию, полезно сравнить рассматриваемую на Днестре в конце VIII – первой половине IX вв. обстановку с самым ранним из известных у славян надплеменным образованием — «княжеством» Само, существовавшим в Среднем Подунавье в 623–658 гг.; тоже вождеством, но недооформившимся и не пережившим своего создателя. Очевидно, в случае с Само население входивших в него племён ещё не было готово уступить свои права и свободы внешней, пусть и дружественной силе. В ситуации же Северного Причерноморья Хазария в военно-политическом, хозяйственном и культурном отношении находилась на значительно более высоком уровне, чем авары столетием раньше в Средней Европе. Отсюда и днепровским славянам для противостояния пришлось выработать более действенную организацию. В итоге, Хазария вполне могла стать тем раздражителем, который ускорил социально-политические преобразования у восточной ветви славян, причём в большей степени, чем иные факторы.

Таким образом, с конца VIII в. на Среднем Днестре мы видим начало перехода от родовой организации к предгосударственной — вождеству. Космополитичная дружина уже не отторгалась, что способствовало оседанию здесь чуть позднее и норманнов, привлечённых возможностями днепровского торгового пути.

Полемика о месте и роли норманнов в процессе становления государственности у восточных славян уже более 200 лет, и конца ей не видно³. Длительность

³ Среди обзоров современных подходов в данной полемике см.: [17; 10, с. 26–29; 49]. Анализ нынешнего российского общественного сознания показывает, что и в нём, а не только среди историков, уже присутствует признание участия норманнов в создании древнерусского государства [15].

споров о норманнах на Руси и наличие научных аргументов у каждой из сторон демонстрирует прежде всего ограниченность и нечёткость источников⁴.

С нашей точки зрения, для анализа особенностей политогенеза раннесредневековых восточных славян достаточно признать, что норманны, вслед за хазарами, как показано выше, сыграли определённую консолидирующую роль в становлении древнерусской государственности. Они стали той внешней силой, которая, с одной стороны, выступила посредником во внутренних конфликтах, с другой, что более важно, консолидировала восточнославянское население в борьбе за существование с соседями, в том числе за стратегически важный торговый путь «Из Варяг в Греки», который, собственно, и вскормил новую, этнически разношёрстную дружину с её вождями (князьями). Эти процессы, безусловно, ускорили развитие на Днепре государственности, но, конечно же, не навязали её.

А. А. Горский, сопоставив становление древнерусского государства с западнославянскими, где норманнов точно не было, заключил, что в обоих случаях ядром государственности становились славянские объединения («славинии», по Горскому) с политическими ядрами в виде сильных дружин. Но вот сами дружинники у восточных славян (полян) поначалу были именно норманнами [10, с. 26–36; 12], а дружина называлась *русью* [32; 33].

Вспомним, Галкина утверждала хазарское происхождение этого слоя. Вероятно, в дружине поначалу могли быть южане, затем появились и пришельцы с севера, что было связано с началом широкой экспансии викингов в VIII–IX вв.⁵ При этом у Горского вывод о присутствии норманнов в Восточной Европе на начальных этапах образования Руси полностью обоснован ссылкой на новейшие археологические изыскания⁶.

В целом же, конечно, можно согласиться с тем, что без внутренней обусловленности одними лишь внешними силами, *варягами* в обобщённом смысле, т. е. *пришельцами, чужаками*, государственность не создавалась. Вспомним Само. Там тоже было франкское влияние в лице вождя. Но с его смертью всё распалось...

Итак, где же началось формирование древнерусской государственности? На севере, «в зоне скандинавской экспансии» [36, с. 192–204]? Или на юге, ибо «можно считать бесспорным, что Русский каганат возник несколько раньше рюриковой Руси» [47, с. 3]. Бесспорные признаки новой политической организации с князьями, военачальниками и фактами наличия дружин для Русского каганата всё же весьма гипотетичны. Северный же вариант, пусть и несколько более поздний, обоснован более достоверными источниками. Рискнём предположить, что соседство с Хазарией, как отмечалось выше, дало толчок выделению воинов и формированию их особой организации с возможным обособленным размещением на рассмотренных

⁴ Показательно, что недавний подробный разбор всех имеющихся данных и основанных на них суждений о происхождении Рюрика в очередной раз продемонстрировал нерешаемость вопроса [13; 37].

⁵ Показательно утверждение норвежской исследовательницы, что *викинги* средневековых хроник — не этнос, а морские разбойники, пираты [65].

⁶ Из новейших публикаций можно добавить [23; 60].

выше городищах-резиденциях. Но активизировался этот процесс с появлением скандинавов, более организованных, с зафиксированными в источниках предводителями. В Русском же каганате таковые неизвестны, что делает его образованием не столько существовавшим реально, сколько в своей завершённости сконструированным нынешними исследователями, т. е. в кабинетах.

Проблема начального этапа восточнославянской государственности упирается и в отсутствие демографических данных. Попытка сопоставить количество «варягов-руси» с числом франков при их расселении в Галлии [1, с. 201] некорректна. Франков с другими германцами в Галлии V в. демографы насчитали всё же полмиллиона (на 6 млн галло-римлян, т. е. почти 1/10 часть). Если уж сравнивать, то ближе, вероятно, будет сопоставление с вандалами в Северной Африке, которых, считается, прибыло туда не более 10 тыс. (воинов). Число восточных славян в рассматриваемое время тоже неизвестно. Численность всех славян к середине I тыс. (исходя из плотности расположения археологических памятников) оценивается в 2,7–4 млн. Чуть больше, в 4,5 млн предполагается населённость Восточной Европы к началу II тыс. Но это не только восточные славяне [40, с. 67].

Анализируя развитие дружины, нельзя забывать и об эволюции *институтов власти внутри славянских общин*. В них тоже шли процессы выделения и консолидации собственных верхов — старейшин и их окружения, что известно из этнографических данных. Очевидно, можно согласиться с тем, что формирование правящих элит у восточных славян шло двумя путями. Один — внутриобщинный, другой — связанный с *«установлением контроля над славянскими общинами со стороны особых социальных групп воинов, нередко пришлых, “чужих”, известных современникам под именем русов»*, которые в VIII–IX вв. оседлали речные пути Восточной Европы [3]. Первый был типичным в такое переходное время для племён, находившихся в определённой изоляции, не испытывавших внешнего давления. Второй был более распространён, ибо обычно население концентрировалось в наиболее благоприятных природных условиях и там росло интенсивнее. Это порождало постоянные столкновения, возрастание роли войн и, соответственно, дружинников. Первый путь рождал медленную социальную эволюцию, при которой переход от первобытности к более развитым формам политической организации мог занимать многие столетия и даже тысячелетия, завершаясь нередко завоеванием более продвинутыми народами. Второй путь напрямую выводил к вождеству и государству, т. е. в итоге ускорял социальный прогресс. В своей «варяжской» форме он сложился у восточных славян, причём именно благодаря пути «Из Варяг в Греки».

Этот путь привлекал наиболее подвижную, креативную часть как скандинавов, испытывавших нехватку ресурсов для развития, так, очевидно, и часть местной молодёжи у днепровских славян, не желавшей подчиняться косным общинным порядкам⁷. Скандинавские воины, как, вполне вероятно, и их собратья по образу жизни из Хазарии и других южных краёв, приобретали жизненный опыт и круго-

⁷ Здесь уместно вспомнить о «людях длинной воли» или «свободного состояния», появившихся у монголов в эпоху становления государственности. Из таких вышел и Чингизхан. Аналогия показательна!

зор в своих перемещениях и поездках, в том числе по торговым делам. Поэтому они и концентрировались на удобном Днепро-Двинско-Балтийском пути. Контакты с Византией и не менее развитыми ближневосточными торгово-политическими центрами способствовали повышению политико-административной «образованности» этого слоя. Поэтому пришлые воины создавали тот стержень, который и превратился в основу будущей восточнославянской государственности.

По наблюдениям Горского, в середине X в. появляются наместники князей в отдельных владениях — *посадники*, что может указывать на возникновение более усложнённой системы власти, свидетельствующей о формировании у восточных славян *сложного вождества* [11].

Типичными для предгосударственной структуры — вождества — были и способы обеспечения жизненных потребностей дружин и их вождей (князей в традиционном обозначении). Преобладали дани, изъятия, да и банальные грабежи, совершавшиеся во время походов по всем направлениям вдоль пути «Из Варяг в Греки». Не последнюю роль играла и работоторговля, особенно с мусульманским миром.

Археологические материалы, хотя также не очень чётко, указывают на изменения в IX–X вв., но более выразительно — со второй половины IX в., когда вдоль ловатско-днепровского отрезка скандинавско-византийского торгового пути (от Новгорода до Киева) начинают фиксироваться поселения неаграрного характера, со следами форм престижного потребления, статусных вещей, форм погребений, специфичных для элиты. При этом до середины X в. они более заметны на Севере [23, с. 449–455].

Археология также свидетельствует о роли скандинавов в рассматриваемых процессах. Если во второй половине IX в. артефакты скандинавского происхождения фиксируются только на севере — от Ладоги до Верхнего Поднепровья, то в X в. они известны во всех «ключевых точках» пути «Из Варяг в Греки» [23, с. 455]. Эти материалы заставляют усомниться в категоричности утверждения о том, что появление норманнов в Восточной Европе источниками фиксируется лишь весьма приблизительно [8].

Однако Н. А. Макаров подчёркивает, что основные социально-политические события разворачивались именно на юге региона в силу демографического фактора — значительно большей плотности населения на юге, в очагах более раннего земледелия и первоначальной концентрации славян [23, с. 455–456], что, собственно, объясняет итоговый восточнославянский характер возникавшего государства.

Время вождеств на Руси, по крайней мере вдоль пути «Из Варяг в Греки», завершается, судя по исчезновению небольших укрепленных резиденций, к концу X — первой половине XI вв. К этому времени обособленность местных князей, возглавлявших племена, удалённые от Днепровского торгового пути, была преодолена [2, с. 73–74, 79–80; 8, с. 50; 12; 23, с. 458–459]. Определённой вехой на пути к государству было и изменение на Руси правил престолонаследия от младшего сына к старшему в середине XI в. [18].

К середине X в. относится, по последним археологическим данным, и устойчивое функционирование самого пути «Из Варяг в Греки» [35, с. 194]. Торговля по

нему становится регулярной, что также является косвенным указанием формирования государственности в регионе. Тогда же после трагической истории с древлянским походом Игоря его вдова — Ольга — навела порядок и со сбором даней, что также отразило формирование элементов государственности.

То есть процесс перерастания вождеств в более чётко структурированные сообщества с определёнными правилами управления и престолонаследия был длительным. Не зря даже французское королевство при первых Капетингах (всё тот же период — вторая половина X — начало XII вв.) ещё не соответствовало строгому определению *государства* и стало таковым лишь в XII — начале XIII вв., когда легитимность королей стала определяться не обычаями, а признанием уже сформированного феодального сословия (знаменитое: «Король умер, да здравствует король»).

Сжатую, но внутренне логичную концепцию формирования предгосударственной организации вдоль пути «Из Варяг в Греки» недавно представила Е. А. Мельникова. Она оправданно поместила рассматриваемые процессы в контекст социально-политических преобразований последней трети I тыс., напомнив о созданном викингами торгово-военном сообществе, которое (по Г. С. Лебедеву) охватило *«всю северную периферию Европы от северо-западной Франции и Англии на западе до Средней Волги на востоке»*. Именно это образование, активность которого породила торговые связи Северной Европы с Ближним Востоком, наложило серьёзный отпечаток на формирование древнерусской государственности. Торговая деятельность викингов привела их в Ладогу и на Днепр, вплоть до Киева, как опорного пункта *«для плаваний в Византию»*. Потребность в организации торговли способствовала усилению *полиэтнической* дружины. Содержание этой дружины, в том числе и за счёт местного населения, сформировало предгосударственные структуры — вождества (*вождийства* в переводе Мельниковой) [24; 27].

Учитывая ведущую роль дружины в создании предгосударственных структур, Мельникова, вслед за некоторыми полит-антропологами, назвавшими рассматриваемый тип общественной организации «военным», предлагает более точный, по её мнению, термин — *дружинное государство* [24, с. 22]. Но *государства*-то как такового, если точно следовать полит-антропологической терминологии, ещё ведь не было, что делает предложенное определение неточным.

Подчёркивая, что *«особенно темны причины и пути»* зарождения древнерусского государства, Мельникова не считает основной причиной военную активность в регионе и возвращается к незаслуженно отвергнутой в советской историографии торговой теории В. О. Ключевского. И делает вполне обоснованный вывод: *«...в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль торговли по Балтийско-Волжскому пути... Благодаря ей консолидируется обширная территория, по которой проходит магистраль и на которой к середине IX в. возникает предгосударственное образование»* [24, с. 23–31]. Подчёркнутое нами заключительное определение, в отличие от предложенного в той же статье «дружинного государства», намного точнее обозначает характер тогдашнего общества.

Попытку анализа становления древнерусской государственности в IX – середине XI в. в контексте общих процессов генезиса государств в Северной, Центральной Европе и на Балканах, в сочетании с влиянием степи предпринял Е. А. Шинаков. Он обратил внимание на сочетание множества форм (моделей), или путей, смешавшихся в формировании Руси. Он также применил термин «дружинное государство», но, в отличие от Мельниковой, отнёс его существование ко второй половине X – XI вв. [58, с. 9–10]. Хотя исследователь признаёт его неполноту и подчёркивает, что и до отмеченного времени, и после XI в. существовали лишь отдельные *элементы дружинной государственности*. И вообще, так как на Руси не было такого законодательного отделения народа от оружия, как в ряде других стран (от Англии до Японии), автор признаёт неточность данного определения [58, с. 18–19]. Представляется, что именно отсутствие на Руси юридически оформленного военно-служилого сословия (так как не существовало индивидуальных прав на землю, в отличие от германского аллода на западе и японских порядков на Дальнем Востоке) затушевало переход от дружинного периода — сложного вожества — к государственности в начале II тыс.

Определённым шагом к трансформации вожества в раннее государство была урбанизация — появление раннегородских центров, в которых формируются новые формы деятельности, выходящие за рамки потребностей первобытного общества. У чехов такое население, в те же X–XI вв., прослежено близ укрепленных резиденций в так называемых *служебных посёлках*. Считается, что оно было зависимым, возможно, происходило из бывших рабов [61, s. 153; 64, s. 340; 66, s. 211–212]. На поселениях Руси аналогичные по функциям и статусу жители отмечены лишь во второй половине XVI – первой половине XVII вв. на Северо-Востоке, в иной обстановке [54, с. 147; 55].

При сходных формах земельной собственности у западных и восточных славян на рубеже I–II тыс. — господстве коллективного землевладения — отсутствие указанных поселений отражает различия исходных факторов образования государственности. В Восточной Европе первоначально преобладал «внешний» дружинный слой. У западных славян дружины были этнически едины с подчиняемым рядовым населением, ибо создавались при конфронтации с внешними силами.

У восточных славян в условиях их довольно свободного расселения, при отсутствии консолидирующих угроз от непосредственных лесных соседей — балтов и финно-угров, — государствообразующими оказались торговые пути, функционирование которых и породило новую, внеплеменную организацию управления заинтересованными в торговле пришлыми людьми. Для них всё окрестное местное население становилось объектом подчинения, и создавать особые поселения зависимой услуги им, очевидно, не было особой нужды, тем более что торговцами, по сути, эти дружинники были и сами, а ремесленными изделиями обеспечивали себя той же торговлей. Отношение к местному населению здесь наглядно продемонстрировал известный эпизод с повторным походом князя Игоря на древлян в 945 г. и его гибелью, что демонстрирует, говоря сегодняшним языком, отношения

оккупантов к туземцам⁸. В такой ситуации особые «служебные поселения» были излишни и показательны, что они появились лишь тогда, когда уже в Московской Руси сложилась поместная система, что проследил с XIV–XV вв. в Подмоскowie С. З. Чернов [57].

Возвращаясь к появлению раннегородских центров, отметим, что к таковым нередко относят первые укрепленные поселения на местах будущих городов, и от этих дат отсчитывают их возраст. Но в IX в. это были лишь резиденции вождей с дружинниками. Такие центры в Восточной Европе возникали с конца IX в. на пути «Из Варяг в Греки» прежде всего в местах волоков и пересадок, затем, в X–XII вв., по мере укрепления и экспансии основных держателей Днепровского пути — киевских князей, — и в соседних землях [2, с. 3–44; 4, с. 249–250].

При этом Киев формировался как центр торговли собираемой данью, в котором княжеская власть выступала в роли контролёра и администратора этого процесса [42]. В такой системе власть киевских Рюриковичей, возникающую именно через контроль над торговлей, вполне можно рассматривать в современных терминах как *крышевание* купцов, что, отмечает польский исследователь Лешек Слупецкий, типично для раннесредневековых государств в Европе, которые ему напоминают мафию как структуру, обеспечивавшую крестным отцам криминальных семейств большую власть и доходы, причём мафию именно в её изначальном понимании: семья, клан и близкие к ним люди. Основной источник их доходов чисто криминальный: сбор дани (поборы), похищение людей и торговля ими (рабами, военнопленными), грабёж соотечественников и чужеземцев. По мнению Слупецкого, такая система возникла под влиянием развёрнутых позднегерманской загнивавшей империей германских воинов. Такими были и раннепольское государство первых Пястов, и изначальная Русь [63]. Ещё раз: известный поход Игоря на древлян — яркая иллюстрация бандитизма тогдашних князей, как и реакция Ольги, разобравшейся не по справедливости, а «по понятиям»⁹. По сути, перед нами — ещё догосударственная система, из которой, однако, по мере усиления князей и наработки административного опыта, постепенно складывалась фискальная система ранних варварских государств [50].

Завершая обзор процесса формирования древнерусской государственности, следует особо выделить XI в. — от правления Ярослава Мудрого, когда возникло писаное право — Русская Правда. Она, как и варварские Правды у германцев, отра-

⁸ В определённой степени «гибель князя Игоря стала знаковой. Она свидетельствовала о необходимости дальнейшей политической интеграции страны... И эти меры жестко проводила Ольга, сделав династию Рюриковичей правящей на Руси» [43, с. 181–183]. И, прежде всего, была упорядочена система сбора дани [34, с. 315, 320], что стало этапом, очередной ступенькой в формировании государственности на Руси.

⁹ Этот эпизод может рассматриваться и как пример конфликта внешней военной силы с местной племенной знатью, в которой обычно побеждала возникавшая надплеменная структура. Предполагается, что распространившийся в то время титул *каган* был взят скандинавами у хазар для противопоставления себя местным славянским племенным вождям, именовавшимся в источниках *князьями* [25, с. 143–146].

зила становление единых норм во владениях правителя и, очевидно, стремление к унификации административных процедур, что и означало возникновение новой формы сознания, по крайней мере у правящего слоя, в дальнейшем развивавшейся в так называемую государственную (т. е. что должно быть для пользы власти). Но это позднее. Первые же варварские Правды были, как известно, прежде всего записями обычного права. И даже вставляемые в них нововведения осмысливались как обычаи предков, выдавались за них. Иначе они могли быть не приняты [29, с. 7–10]. То есть сами первые Судебники, в том числе и Русская Правда, свидетельствовали не столько о наличии государства, сколько о начале его формирования.

Так сложное вождество начинало превращаться в раннее государство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Александров-Деркаченко П. Особенности национальной идеи в зимний период // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 199–204.
- 2 Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси. М.: Наука, 2006. Кн. 1–2. 289+167 с.
- 3 Алимов Д. «Приходите владеть нами...» // Родина. 2012. № 9. С. 25–26.
- 4 Баран В. Д. Давні слов'яни. К.: Видавничий дім Альтернативи, 1998. Т. 3. 336 с.
- 5 Бондарь А. Н. Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 19–26.
- 6 Гавритухин И. Хронология пражской культуры Белорусского Полесья // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн.: Беларус. навука, 2003. № 18. С. 123–138.
- 7 Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.
- 8 Горский А. А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X века // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43–52.
- 9 Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2007. 392 с.
- 10 Горский А. А. Русское средневековье. М.: Астрель, Олимп, 2010. 222 с.
- 11 Горский А. А. Формирование посадничества на Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 50–54.
- 12 Горский А. А. Приглашение Рюрика на княжение // Исторический вестник. М., 2012. Т. 1 (148). С. 6–23.
- 13 Данилевский И. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие»? // Родина. 2012. № 9. С. 112–114.
- 14 Калинина Т. М. Хазарский каганат как раннегосударственная структура // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 67–72.
- 15 Каратовская В. В. Варяжский вопрос в зеркале массового исторического сознания современного российского общества // История идей и история общества. Материалы IX Всероссийской научной конференции. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного ун-та, 2011. С. 304–306.

- 16 *Кирпичников А. Н.* Снаряжение русского всадника в IX–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М.: Наука, 1970. С. 22–23.
- 17 *Клейн Л. С.* Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
- 18 *Климов Е. В., Кабаченко А. П.* Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI в. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 37–43.
- 19 *Котляр Н. Ф.* Канун государственности: очаги политогенеза // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 109–114.
- 20 *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.
- 21 *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 152. 184 с.
- 22 *Мачинский Д. А.* Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002. С. 58–60.
- 23 *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
- 24 *Мельникова Е. А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М.: Наука, 1995. С. 16–31.
- 25 *Мельникова Е. А.* «Князи» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Исследования по истории народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 142–147.
- 26 *Мельникова Е. А.* Киевская Русь и Скандинавия. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 477 с.
- 27 *Мельникова Е.* ...И Рюрика не было бы без Шарлеманя // Родина. 2012. № 9. С. 30–35.
- 28 *Мельникова Е. А.* Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы // Исторический вестник. М., 2012. № 1 (148). С. 24–39.
- 29 *Никольский С. Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 5–48.
- 30 *Пенской В. В.* Военно-техническая революция второй половины IX–X в. и проблема образования Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 196–201.
- 31 *Петрухин В. Я.* Феодализм перед судом русской историографии // Одиссей: Человек в истории. 2006. С. 161–170.
- 32 *Петрухин В.* Кто и зачем призывал варягов? // Родина. 2012. № 9. С. 27–29.
- 33 *Петрухин В. Я., Каменецакая Е. В.* Пруссия и Русь: Средневековый миф и новейшая историография // Славяноведение. 2008. № 5. С. 77–83.
- 34 *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.
- 35 *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI–VII ст.н.э.). К.: Наукова думка, 1975. 154 с.
- 36 *Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2007. 624 с.
- 37 *Пчелов Е. В.* Был ли древнерусский Рюрик Рориком Ютландским? // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 97–109.

- 38 *Риер Я. Г.* К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // Российская археология. 1996. № 1. С. 114–121.
- 39 *Риер Я. Г.* Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. Могилев: Могилевский ун-т, 2000. 115 с.
- 40 *Риер Я. Г.* Историческая демография. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. 160 с.
- 41 *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
- 42 *Сагайдак М. А.* Город и власть // Древняя Русь средневековая Европа: возникновение государств. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 218–223.
- 43 *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 667 с.
- 44 *Седин А. А.* Оружие из городища Никодимово // V абласныя Магілёўскія краязнаўчыя чытанні. Магілёў: Магілёўскі абласны краязнаўчы музей, 1994. С. 7–16.
- 45 *Седин А. А.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня из городища Никодимово. Могилев, 2012.
- 46 *Седов В. В.* Русский каганат // Отечественная история. М., 1998, № 4. С. 3–14.
- 47 *Семенов И. Г.* К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX – первой половине X века // Славяноведение. 2010. № 2. С. 3–11.
- 48 *Семенов И. Г.* О происхождении династии хазарских каганов и времени образования хазарского каганата // Восток. 2010. № 5. С. 5–14.
- 49 *Соколов С. В. Л. С. Клейн.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009 // Славяноведение. 2010. № 2. С. 3–11.
- 50 *Темущев С. Н.* Начальный этап складывания налогово-даннической системы древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: становление государственности. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 274–278.
- 51 *Толочко П. П.* В поисках загадочного русского каганата // Восточная Европа в Средневековье. 2004. С. 44–51.
- 52 *Толочко П. П.* Истоки древнерусской государственности // Древняя Русь и средневековая Европа: государственности. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 286–289.
- 53 *Флеров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2010. 245 с.
- 54 *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987. С. 142–151.
- 55 *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественные записки. 1992. № 2. С. 56–74.
- 56 *Цукерман К.* Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. К., 2003. № 1. С. 76–99.
- 57 *Чернов С.* Взлет на холмы. Раннемосковское общество и внутренняя колонизация // Родина. 2003. № 12. С. 29–33.
- 58 *Шинаков Е. А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М.: Восточная лит., 2009. 481 с.
- 59 *Ширинский С. С.* Округа древнейших городов Среднего Поднепровья (По материалам курганов IX–X вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К., 1988. Т. 2. С. 319–322.

- 60 *Шмидт Е.* Скандинавы в Смоленском Поднепровье и Подвинье в IX–X вв. н. э. // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн., 2006. Вып. 21. С. 74–77.
- 61 *Bohač Z.* K některým geografickým aspektům středověkého osídlení v našich zemích // Historická geografie. 1973. No. 10. S. 151–169.
- 62 *Duczko W.* Ruś wikingów. Warszawa, 2007.
- 63 *Shupecki L.* From tribal structures to early States in medieval Europe and what caused the Change – criminal Background? // Древняя Русь и средневековая Европа: становление государственности. Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 248–250.
- 64 *Snažil R.* Průzkum zaniklých středověkých sídlišť na jihovýchodní Moravě v 1964 až 1968 // Archeologické rozhledy. 1970. R. 22. S. 332–344.
- 65 *Stalsberg A.* There were no Vikings in old Rus! // Древняя Русь и средневековая Европа: становление государственности. Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 250–255.
- 66 *Štěpánek M.* Opevněná sídliště 8.-12. století ve střední Evropě. Praha, 1965.

* * *

Rier Yakov Grigoryevich,
*DSc in History, Professor,
 The Head of the World History Chair,
 Mogilev State University,
 Kosmonavtov str., 1, 212022, Mogilev, Belarus'
 E-mail: rier47@tut.by*

ON THE QUESTION OF THE INITIAL STAGES OF THE FORMATION OF OLD RUSSIAN STATEHOOD

Abstract: The relevance of the topic is defined both by the role of state in history and, in particular, by the problem of the formation of the state in Russia. The difficulties of its study are caused by the limited number of written sources, which is partly overcome by using archaeological materials. Those materials confirm the emergence of a special military social layer in the Dnieper region beginning from the 8th–9th centuries. It was concentrated in special fortified residences — druzhina hillforts. This was the period of the formation of potestarian society with multitribal druzhina squads which gradually began to overtop local East Slavic population along river trade routes between the Baltic and the Black Sea. The formation and consolidation of the druzhina layer was speeded up by the presence of hostile external forces – the Khazar Khanate and the squads of Normans. Thereby East Slavic tribes formed complex chiefdoms with typical for a pre-state structure special ways to ensure vital needs of druzhina squads and their chieftains (Knyaz (Prince) in traditional designation). Tributes, seizures and plunder during military campaigns were common in all directions along the way «from the Vikings to the Greeks». The period of chiefdoms in Russia had finished by the late 10th – the mid-11th centuries. By this time, the isolation of local knyazes (princes) who led the tribes, remote from the Dnieper trade route, had been overcome. The beginning of the conversion of complex chiefdom into the early state is fixed in the 11th century by the appearance of written law — «Russkaya Pravda» («The Law of Russia»).

Keywords: formation of the state, hillforts, potestarian society, chiefdoms, družhina layer.

REFERENCES

- 1 Aleksandrov-Derkachenko P. Osobennosti nacional'noj idei v zimnij period [The peculiarities of the national idea in the winter]. *Svobodnaya mysl'* [The Free Thought], 2013, no 1, pp. 199–204.
- 2 Alekseev L. V. *Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi* [The Western lands of the pre-Mongol Rus]. Moscow, Nauka Publ., 2006. Book 1–2. 289+167 p.
- 3 Alimov D. «Prihodate vladet' nami...» [Come and possess us...]. *Rodina* [The Motherland], 2012, no 9, pp. 25–26.
- 4 Baran V. D. *Davni slov'yani* [Ancient Slavs]. Kiev, Vydavnychyj dim Al'ternatyvy Publ., 1998. Vol. 3. 336 p.
- 5 Bondar' A. N. Kreposti pravil'noj geometricheskoj formy v Danii i Yuzhnoj Rusi v period stanovleniya gosudarstvennosti [Fortresses of regular geometric shape in Denmark and Southern Rus in the period of the formation of statehood]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 19–26.
- 6 Gavrituhin I. Hronologiya prazhskoj kul'tury Belorusskogo Poles'ya [The chronology of the Prague culture in Belarusian Polesie]. *Gistoryka-arhealagichny zbornik* [The historical and archaeological miscellany]. Minsk, Belarus. navuka Publ., 2003, no 18, pp. 123–138.
- 7 Galkina E. S. *Tajny Russkogo kaganata* [The secrets of the Russian Khanate]. Moscow, Bече Publ., 2002. 392 p.
- 8 Gorskij A. A. Gosudarstvo ili konglomerat konungov? Rus' v pervoj polovine X veka [A State or a conglomerate of konungs? Rus in the first half of the 10th century]. *Voprosy istorii* [Problems of history], 1999, no 8, pp. 43–52.
- 9 Gorskij A. A. *Rus'. Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva* [Rus. From the Slavic settlement to the Tsardom of Muscovy]. Moscow, Iazyki slavianskoj kul'tury Publ., 2007. 392 c.
- 10 Gorskij A. A. *Russkoe srednevekov'e* [The Russian Middle Ages]. Moscow, Astrel', Olimp Publ., 2010. 222 p.
- 11 Gorskij A. A. Formirovanie posadnichestva na Rusi [The formation of the office of posadnik in Rus]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 50–54.
- 12 Gorskij A. A. Priglasenie Ryurika na knyazhenie [The invitation of Rurik to rule as a knyaz]. *Istoricheskij vestnik* [The historical herald]. Moscow, 2012, vol. 1 (148), pp. 6–23.
- 13 Danilevskij I. Knyaz'ya domongol'skoj Rusi: «svoi» ili «chuzhie»? [The Pre-Mongol Rus Princes: «native» or «foreign» ones?] *Rodina* [The Motherland], 2012, no 9, pp. 112–114.
- 14 Kalinina T. M. Hazarskij kaganat kak rannegosudarstvennaya struktura [The Khazar Khanate as an early state structure]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 67–72.
- 15 Karatovskaya V. V. Varyazhskij vopros v zerkale massovogo istoricheskogo soznaniya sovremennogo rossijskogo obshchestva [The Viking question in the mirror of mass

- historical consciousness of the modern Russian society]. *Istoriya idej i istoriya obshchestva. Materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [The history of ideas and the history of society. The proceedings of the 9th Russian National Scientific Conference]. Nizhnevartovsk, Izd-vo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo un-ta Publ., 2011, pp. 304–306.
- 16 Kirpichnikov A. N. Snaryazhenie russkogo vsadnika v IX–XIII vv. [The equipment of a Russian rider in 9th – 13th centuries]. *Tezisy dokladov sovetskoj delegacii na II Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoj arheologii v Berline* [Abstracts of the Soviet delegation on the 2nd International Congress of Slavic archeology in Berlin]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 22–23.
- 17 Klejn L. S. *Spor o varyagah* [The dispute over the Varangians]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2009. 400 c.
- 18 Klimov E. V., Kabachenko A. P. Prestolonasledie v Drevnej Rusi. Vtoraya polovina IX – sredina XI v. [The succession to the throne in Old Rus. 2nd half of the 9th – mid-11th centuries]. *Voprosy istorii* [The problems of history], 2009, no 12, pp. 37–43.
- 19 Kotlyar N. F. Kanun gosudarstvennosti: ochagi politogeneza [The eve of statehood: the foci of politogenesis]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 109–114.
- 20 Kuza A. V. *Malye goroda Drevnej Rusi* [Small towns of Old Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 168 p.
- 21 Lyapushkin I. I. Slavyane Vostochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Old Russian state]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and studies on the archeology of the Soviet Union], 1968, no 152, 184 p.
- 22 Machinskij D. A. Byla li Ladoga stolicej Rusi? [Was Ladoga the capital of Rus?]. *Kul'tura, obrazovanie, istoriya Leningradskoj oblasti* [Culture, education, history of Leningrad Region]. St. Petersburg, 2002, pp. 58–60.
- 23 Makarov N. A. Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical evidences and archaeological facts: the search for correspondences]. *Rus' v IX–XI vekah: arheologicheskaya panorama* [Rus in the 9th – 11th centuries: an archaeological panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012, pp. 449–459.
- 24 Mel'nikova E. A. K tipologii predgosudarstvennyh i rannegosudarstvennyh obrazovanij v Severnoj i Severo-vostochnoj Evrope (Postanovka problemy) [On the typology of the pre-state and early-state formations in the North and North-Eastern Europe (raising the problem)]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy* [The ancient states in Eastern Europe]. 1992–1993. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 16–31.
- 25 Mel'nikova E. A. «Knyazi» i «kagan» v rannej titulature Drevnej Rusi [«Knyaz» and «Khagan» in the early titles of Old Rus]. *Issledovaniya po istorii narodov srednevekovoj Evropy* [Studies in the history of peoples of medieval Europe]. St. Petersburg, 2010, pp. 142–147.
- 26 Mel'nikova E. A. *Kievskaya Rus' i Skandinaviya* [Kievan Rus and Scandinavia]. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniuu i Nauke Publ., 2011. 477 p.
- 27 Mel'nikova E. ...I Rurika ne bylo by bez Sharlemana [... And there would not be Rurik without Charlemagne]. *Rodina* [The Motherland], 2012, no 9, pp. 30–35.

- 28 Mel'nikova E. A. Normanny i dany, Rus' i varyagi: skandinavyy na zapade i vostokey Evropy [The Normans and the Danes, Rus and the Varangians: the Scandinavians in the West and East of Europe]. *Istoricheskij vestnik* [The historical herald]. Moscow, 2012, no 1 (148), pp. 24–39.
- 29 Nikol'skij S. L. O družinnom prave v ehposu stanovleniya gosudarstvennosti na Rusi [Of the družina law in the era of statehood in Rus]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus]. Moscow. 2004, issue 4, pp. 5–48.
- 30 Penskoj V. V. Voенно-tekhnicheskaya revolyuciya vtoroj poloviny IX–X v. i problema obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The military and technical revolution of the second half of 9th – 10th centuries and the problem of the formation of the Old Russian state]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 196–201.
- 31 Petruhin V. Y. Feodalizm pered sudom russkoj istoriografii [Feudalism before the court of Russian historiography]. *Odisej: Chelovek v istorii* [Odyssey: Man in History], 2006, pp. 161–170.
- 32 Petruhin V. Kto i zachem prizyval varyagov? [Who and why called the Varangians?] *Rodina* [The Motherland], 2012, no 9, pp. 27–29.
- 33 Petruhin V. Y., Kameneckaya E. V. Prussiya i Rus': Srednevekovyj mif i novejšhaya istoriografiya [Prussia and Rus: the medieval myth and contemporary historiography]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2008, no 5, pp. 77–83.
- 34 Petruhin V. Y., Raevskij D. S. *Oчерки истории народов России в древности и раннем средневековье* [Essays on the history of the peoples of Russia in antiquity and early Middle Ages]. Moscow, Znak Publ., 2004. 416 p.
- 35 Prihodnyuk O. M. *Slov'yani na Podilli (VI–VII st.n.eh.)* [The Slavs in Podolia, 6th – 7th centuries A.D.]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975. 154 p.
- 36 Puzanov V. V. *Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, ehnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukt* [Old Russian State: its genesis, ethno-cultural environment, ideological constructs]. Izhevsk, Izdat. dom «Udmurtskii universitet» Publ., 2007. 624 p.
- 37 Pchelov E. V. Byl li drevnerusskij Ryurik Rorikom Yutlandskim? [Was the Old Russian Rurik from Jutland?]. *Voprosy isitorii* [The problems of history], 2012, no 10, pp. 97–109.
- 38 Rier Y. G. K probleme social'nogo razvitiya rannesrednevekovoj Vostochnoj i Central'noj Evropy: sravnitel'nyj analiz arheologicheskikh dannyh [On the problem of social development of early medieval Eastern and Central Europe: a comparative analysis of archaeological data]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian archaeology], 1996, no 1, pp. 114–121.
- 39 Rier Y. G. *Agrarnyj mir Vostochnoj i Central'noj Evropy v srednie veka po arheologicheskim dannym* [The agricultural world of Eastern and Central Europe in the Middle Ages according to the archaeological data]. Mogilev, Mogilevskii universitet Publ., 2000. 115 p.
- 40 Rier Y. G. *Istoricheskaya demografiya* [Historical demography]. Mogilev, MGU im. A. A. Kuleshova Publ., 2006. 160 p.
- 41 Rybakov B. A. *Yazychestvo drevnej Rusi* [Paganism in Old Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 783 p.

- 42 Sagajdak M. A. Gorod i vlast' [City and power]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Publ., 2012, pp. 218–223.
- 43 Sverdlov M. B. *Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v.* [Pre-Mongol Rus: Knyaz and his power in Rus in the 6th – early 13th centuries]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 667 p.
- 44 Sedin A. A. Oruzhie iz gorodishcha Nikodimovo [Armory from the settlement of Nikodimovo]. *Vablasnyya Magilyouskiya krayaznauchyya chytanni* [5th Mogilev Regional readings in local lore]. Mogilev, Magiljowski ablasny krajaznawchy muzej Publ., 1994, pp. 7–16.
- 45 Sedin A. A. *Predmety vooruzheniya, snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya iz gorodishcha Nikodimovo* [The armory, the equipment of a rider and a riding horse from the settlement of Nikodimovo]. Mogilev, 2012.
- 46 Sedov V. V. Russkij kaganat [Russian Khanate]. *Otechestvennaya istoriya* [Native history]. Moscow, 1998, no 4, pp. 3–14.
- 47 Semenov I. G. K voprosu ob otnosheniyah Rusi i Hazarskogo kaganata v IX - pervoj polovine X veka [On the question of the relations between Rus and the Khazar Khanate in the 9th – the mid-10th centuries]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2010, no 2, pp. 3–11.
- 48 Semenov I. G. O proiskhozhdenii dinastii hazarskih kaganov i vremeni obrazovaniya hazarskogo kaganata [On the origin of the Khazar Khagan dynasty and the time of formation of the Khazar Khanate]. *Vostok* [The East], 2010, no 5, pp. 5–14.
- 49 Sokolov S. V. L. S. Klejn. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon. SPb., 2009 [Review of: L. S. Klein. The dispute over the Varangians. The historical background and the arguments of the parties. St. Petersburg, 2009]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2010, no 2, pp. 3–11.
- 50 Temushev S. N. Nachal'nyj etap skladyvaniya nalogovo-dannicheskoy sistemy drevnerusskogo gosudarstva [The initial phase of the formation of the tax-tributary system of the Old Russian state]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: stanovlenie gosudarstvennosti* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 274–278.
- 51 Tolochko P. P. V poiskah zagadochnogo russkogo kaganata [Searching the mysterious Russian Khanate]. *Vostochnaya Evropa v Srednevekov'e* [Eastern Europe in the Middle Ages], 2004, pp. 44–51.
- 52 Tolochko P. P. Istoki drevnerusskoj gosudarstvennosti [The origins of the Old Russian state]. *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: stanovlenie gosudarstvennosti* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 286–289.
- 53 Flerov V. S. «Goroda» i «zamki» Hazarskogo kaganata. *Arheologicheskaya real'nost'* [«Towns» and «castles» of the Khazar Khanate. Archaeological facts]. Moscow, Mosty kul'tury / Gesharim Publ., 2010. 245 p.
- 54 Florya B. N. «Sluzhebnyaya organizaciya» u vostochnyh slavyan [The «service organization» of East Slavs]. *Ehtnosocial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nyh slavyanskikh gosudarstv i narodnostej* [Ethno-social and political structure of early feudal Slavic states and peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 142–151.
- 55 Florya B. N. «Sluzhebnyaya organizaciya» i ee rol' v razvitii feodal'nogo obshchestva u vostochnyh i zapadnyh slavyan [The «service organization» and its role in the development

- of the feudal society of Eastern and Western Slavs]. *Otechestvennye zapiski* [Native papers], 1992, no 2, pp. 56–74.
- 56 Cukerman K. Dva etapa formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva [Two stages of the formation of the Old Russian state]. *Arheologiya* [Archaeology]. Kiev, 2003, no 1, pp. 76–99.
- 57 Chernov S. Vzlet na holmy. Rannemoskovskoe obshchestvo i vnutrennyaya kolonizatsiya [Climbing the hills. The early Muscovy society and internal colonization]. *Rodina* [The Motherland], 2003, no 12, pp. 29–33.
- 58 Shinakov E. A. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskij aspekt* [The formation of the Old Russian state: the comparative-historical aspect]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2009. 481 p.
- 59 Shirinskij S. S. Okruga drevnejshih gorodov Srednego Podneprov'ya (Po materilam kurganov IX–X vv.) [The neighbourhood of the oldest towns in the Middle Dnieper region (according to the materials of the mounds of the 9th – 10th centuries)]. *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arheologov-slavistov* [The proceedings of the 5th International Congress of Slavic archaeology]. Kiev, 1988, vol. 2, pp. 319–322.
- 60 Shmidt E. Skandinavy v Smolenskom Podneprov'e i Podvin'e v IX–X vv. n.e. [The Scandinavians in Smolensk Dnieper region and the Dvina region in the 9th – 10th centuries]. *Gistoryka-arheologichny zbornik* [The historical and archaeological miscellany]. Minsk, 2006, issue 21, pp. 74–77.
- 61 Boháč Z. K některým geografickým aspektům středověkého osídlení v našich zemích [Some geographic aspects of the medieval settlement in our country]. *Historická geografie* [Historical geography], 1973, no 10, pp. 151–169.
- 62 Duczko W. *Ruś wikingów* [The Vikings' Rus]. Warsaw, 2007.
- 63 Ślupecki L. From tribal structures to early States in medieval Europe and what caused the Change — criminal Background? *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: stanovlenie gosudarstvennosti* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 248–250.
- 64 Snažil R. Průzkum zaniklých středověkých sídlišť na jihovýchodní Moravě v 1964 až 1968 [The study of abandoned medieval villages in the South-Eastern Moravia in 1964–1968]. *Archeologické rozhledy* [Archaeological studies], 1970, r. 22, pp. 332–344.
- 65 Stalsberg A. There were no Vikings in old Rus! *Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: stanovlenie gosudarstvennosti* [Old Rus and Medieval Europe: the emergence of states]. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2012, pp. 250–255.
- 66 Štěpánek M. Opevněná sídliště 8.-12. století ve střední Evropě [The fortified settlements of the 8th–12th centuries in Central Europe]. Prague, 1965.